

УКРАИНСКИЙ БАЛЕТ — явление интересное и вполне самобытное. В нем созданы определенные традиции национального балетного спектакля, основанные на соединении классической хореографии с элементами украинского танцевального фольклора, с использованием национальных мотивов в сюжете и в музыке. Но зачастую эти плодотворные традиции в балетных спектаклях Киевского оперного театра превращаются в архаичные и тяжеловесные атрибуты, которые «мирно сосуществуют» со свежими и смелыми поисками.

В этом смысле особенно показательны два спектакля на национальную тему — балет «Лилея» по мотивам произведений Шевченко и «Лесная песня» по драматургии Леси Украинки. Первый спектакль весь во власти привычного. Все в нем напоминает много раз виденный устаревший канон «спектакля на национальную тему». В этом спектакле есть все — и обрядовая сцена помолвки с множеством украинских танцев, и картина в цыганском таборе, и тривиальный балетный сон с русалками, и народное шествие с воздетыми вверх кулаками и телом убитой героини, поднятой в воздух как символ протеста. Герои же балета совершенно бездейственны.

Так же бездейственна и аморфна музыкальная драматургия. В ней нет четкого композиционного построения, она изобилует длиннотами и бесконечными повторами, ей явно не хватает четко намеченных и смело развитых музыкальных тем и лейтмотивов. Композитор К. Данькевич как будто бы щедро использует широко известные национальные мелодии, но применяет их чисто иллюстративно, не разрабатывая симфонически.

Естественно, что балетмейстер В. Вронский был весьма ограничен качествами литературной и музыкальной первоосновы спектакля, и все же в хореографии спектакля есть немало находок. Вронскому удалось органичное соединение балетной классики с яркими элементами национального танца. Украинские пляски приобретают у него особый стиль, весьма отличный от привычного стиля исполнения их в ансамбле народного танца. С большим темпераментом и огнем поставлены цыганские сцены, где особенно выделяется отличная танцовщица В. Ферро; красивые, изобретательные вариации Венеры, Афины, Геры и Париса, исполненные прекрасно, в строго классической форме. Из исполнителей особенно хочется отметить А. Белова, танцовщика безупречной школы и одухотворенной техники, и Е. Ершову (Лилея) — мастера подлинно реалистического искусства. Но все эти частные актерские и балетмейстерские удаchi не спасают спектакля в целом, который удивляет своей архаичностью и

наивно понятой традиционностью.

Иное впечатление производит балет «Лесная песня». Либретто Л. Скорульской бережно сохраняет основные линии и образы пьесы. В музыке М. Скорульского тоже широко использованы народные мелодии, те самые мелодии и песни Волины, о которых упоминает Леся Украинка. Но мелодии эти получают в партии широкое симфоническое развитие, органично вплетаются в ткань музыкального повество-

ующая незаурядным актерским дарованием. Значителен и образ Лукаша, соединяющий простодушие деревенского парня, безволие и мягкость с порывистостью, с поэтической устремленностью художника. Особенности игры и пластики этой партии отлично воспроизводятся артистом Р. Клявиным.

В спектакле «Лилея» картины Ивановой ночи и помолвки решены подчеркнуто бытовыми приемами: точное воспроизведение различных бытовых игр и обря-

ДОРОГОЙ ПОИСКОВ

вания, пронизанного единой и глубокой мыслью, наполненной дыханием глубоких и светлых человеческих чувств. И при всем этом музыка ярко театральна, образна и по-настоящему танцевальна. Привлекает и декоративное оформление художника А. Волненко. Если в «Лилее» украинский колорит был дан в привычных бытовых приметах, с пестрой и порой сусальной олеографичностью, то здесь красота природы, национальные мотивы костюмов очень своеобразны и поэтичны.

Балетмейстер Вронский, воплощая поэтические персонажи, избежал традиционной балетной сказочности и образно персонафицировал силы природы. Перед нами возникает своеобразный мир, полный своих страстей, желаний, борьбы. Порывистый, необузданно полетный характер партии Перелесника (А. Белов), «Того, кто плотины рвет» (Ф. Баклан), озорной и «колючий» танец Куца (В. Хребтов) контрастируют с кокетливо-игривой, изящно-переменчивой партией Водяной русалки (Р. Минчик), лирически застенчивым рисунком партии Полевой русалки (Л. Петренко).

Интересно решены партии основных персонажей балета, к сожалению, несколько ограниченные лексически. В них привлекает сложность характеров, так редко удающихся на балетной сцене. В партии Мавки образно воплощается красота и изменчивость природы. Она кажется то совсем реальной, то сказочно-таинственной, то беззащитно трогательной, то гордой и непримиримой. Все эти разнообразные оттенки удивительно проникновенно и трепетно передает одна из самых талантливых балерин труппы А. Гавриленко, облада-

ющая обилие этнографических и чисто бытовых подробностей и эпизодов, вплоть до появления на сцене настоящей лошади. Со всем иначе поставлена сцена свадьбы в «Лесной песне». В ней все обрядовые и игровые мотивы подчинены определенному образному решению сцены. Перед нами возникает до странности печальная свадьба, на которой веселится одна только земная и жадная Килина. Все здесь решено танцевально, пластически. Даже чисто игровая партия матери (Г. Гонтарь) приобретает черты образной пластичности и танцевальности. Но и в этом спектакле есть дань старому — танцы снежинок в последней картине выглядят слишком эффектно и «красиво», не создавая образа холодного снежного бурана, в котором гибнет одинокий человек.

В СВОИХ ОДНОАКТНЫХ балетах театр ищет определенность сюжета, не абстрагируя образы и пластику. В лучшем из них — «Симфонических танцах» на музыку С. Рахманинова в постановке Е. Тангиевой-Вирэниек — рассказывается о судьбе художника, потерявшего родину и вместе с ней творческое вдохновение и человеческое счастье. В этом балете все лаконично и скупое — оформление, танец, игра актеров, четкие, законченные портреты действующих лиц. Полетный, широкий танец Художника (Р. Клявин) постепенно становится все более нервно-порывистым и трагичным. Лирически напевному характеру партии Девушки (А. Гавриленко) противопоставляет блестящий, виртуозный, но подчеркнуто холодный рисунок роли Золотой дамы (Н. Руденко). Быть может, не следовало прибе-

гать к традиционной иллюстративности — приему с холстом, где появляются то портрет Золотой дамы, то видение Смерти, то березка — образ далекой и милой родины, ибо здесь хореографическая образность подменяется иллюстрацией. В целом же «Симфонические танцы» — спектакль на редкость впечатляющий высокой этичностью идеи, трагедийностью и отличным прочтением гениальной музыки русского композитора.

В постановке В. Вронским «Франчески да Римини» П. Чайковского самое интересное — цельность рассказа, идущего в едином нарастающем ритме. Но обостренному трагизму, мрачной экспрессии первой и последней сцен сильно мешают опять-таки черты бытовизма. Вряд ли в дантовом аду необходимы традиционно-сказочные «демоны», управляющие тенями. Возвышенный лиризм сцен Паоло и Франчески (А. Гавриленко и Г. Баукин), правда, слишком ассоциирующийся со всемирно известными сценами из прокофьевской «Ромео и Джульетты», не гармонирует с образом Джанчотто, решенным в стиле традиционного балетного злодея. Все же в этом спектакле есть интересные решения, поиски новых выразительных средств. А вот в акте из «Щелкунчика» театр снова возвращает нас к банальной балетной красавице и аляповатости атласных, усыпанных блестящими костюмов и надоевшей традиционности хореографических композиций. Иногда балетмейстер удивительно чутко вслушивается в партитуру Чайковского, и начинает казаться, что именно им найден свежий и необыкновенно точный рисунок Вальса цветов. Но неожиданно в руках у исполнителей появляются длинные розовые ленты, и интересно начавшийся танец кончается банальным приемом. Однако при всем несогласии с отдельными моментами хореографии этого акта нельзя не порадоваться высокому профессионализму исполнителей.

Балетный коллектив Киевского театра за последние годы заметно окреп и вырос (тут, несомненно, благотворно сказались наличие в Киеве успешно работающей хореографической школы). И думается, что этот талантливый коллектив еще смелее пойдет вперед дорогой творческих поисков, решительно отбрасывая все обветшалое и устаревшее.

Н. ЭЛЬЯШ.